

Н. В. Дунаева*

«КОРОННЫЙ» СЕКТОР РОССИЙСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И РЕФОРМА 1861 Г.

Эпоха «Великих реформ» занимает особое место в эволюции российского права, а ключевая из них — крестьянская — является без преувеличения ее важнейшей «точкой бифуркации». Необходимость перехода от институциональной структуры традиционного аграрного (сословного) общества и ее функционального наполнения к общегражданскому праву и рыночной экономике на рубеже 50–60-х гг. XIX в. проявилась в обоих, разграниченных по субъекту властных и поземельных прав, секторах российского землевладения — «коронном» и частновладельческом. Бинарность этих юридических понятий, отражающая имущественную и социально-политическую институциональную структуру традиционного аграрного общества при монархической форме правления, проявлялась в истории как западноевропейского, так и отечественного права. Понятие «коронный» (государственный в широком смысле, включая «домены» как совокупность наследственных земельных владений монарха) акцентирует обусловленность правового положения, жизни и быта значительной части сельского населения традиционного общества юридическими особенностями структуры землевладения и организации монархической публичной власти.

Разделение крестьянства на «коронное» и частновладельческое, в целом соответствующее юридическому разделению земельного имущества по основным формам собственности, являлось общеевропейской правовой реалией, и чем сложнее складывалась структура прав на землю, тем большим разнообразием отличалось юридическое положение отдельных групп сельского населения. В дореформенной России частновладельческие (крепостные) крестьяне как абсолютно бесправные являлись наиболее однородной в правовом отношении группой, в то время как население «коронной» части земель отличалось чрезвычайной «пестротой» (более 40 разновидностей сословного правового статуса «свободных сельских обывателей»).¹

Переход к модернизации земельно-аграрных отношений и общегражданскому праву ставил перед законодателем проблему выбора адекватных правовых средств реформирования правового положения различных групп крестьян. Мелкий и средний индивидуальный землевладелец как массовый сельскохозяйственный производитель — основная социальная сила модернизации любого традиционного общества, формировал не только качественно новый реальный сектор экономики, но и новый правовой порядок с новым типом субъекта права с иным, чем в традиционном обществе, мировосприятием, ценностными установками, правовыми интересами и когнитивными запросами. В западноевропейских государствах, как правило, процесс регулируемой «эмансипации»

* Дунаева Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры теории и истории права и государства Юридического факультета СПбГУ.

E-mail: natdunaeva@yandex.ru

© Н. В. Дунаева, 2011

¹ *Статистические таблицы Российской империи*. Вып. 1–2 / Мин-во внутр. дел. Центр. статист. ком-т; А. Б. Бушен. СПб.: Тип. МВД, 1863. Вып. 2. С. 262–264, 306; *Ключевский В. О.* Русская история. М., 2006. С. 891.

стартовал в коронном секторе аграрного общества, где складывались более благоприятные условия для необходимой юридизации традиционных социальных отношений и институтов.²

Решение проблемы унификации правового статуса сельского населения России носило комплексный характер и требовало не механической нивелировки различий в субъективных правах, юридических обязанностях, юридической ответственности, гарантиях представителей этих групп на базе принципов сословного права, а создания и развития средствами «государственно-организованного» права таких общеправовых моделей социального поведения, которые были бы индифферентны к сословным различиям в целом и, следовательно, позволяли постепенно преодолевать статусное многообразие внутри сельского сословия и в обществе в целом. На достижение этой цели были направлены либеральные проекты первой трети XIX в., в первую очередь М. М. Сперанского, ключевое место в которых занимали вопросы преодоления условности земельных прав.³

Российская «корона» (монархическое государство) как собственник населенных казенных, удельных, кабинетских, дворцовых земель и субъект централизованной власти в первой половине XIX в. неуклонно расширяла свое присутствие в традиционном обществе средствами «государственно-организованного права». Усложнение механизма государства, совершенствование нормативно-правового регулирования осуществлялось не только в собственных интересах императорского Дома, но и в интересах всего общества, направляя его правовую эволюцию к общей цели — общегражданскому правовому статусу личности, обеспечивая выход правового «аутопойезиса» в крестьянской среде и «правовой ментальности» крестьян на качественно новый уровень за рамки обычного права.⁴

Реформы 1858–1860 гг., проводившиеся в коронном секторе российского землевладения, находившемся под управлением двух министерств — государственных имуществ и императорского двора, — формировали наиболее существенные юридические предпосылки модернизации. К наиболее важным из этих реформ следует отнести: 1) консолидацию различных юридических групп сельского населения, проживавшего на землях российской короны, на основе сословного правового статуса свободных сельских обывателей;⁵ 2) унификацию управления земельным имуществом российской короны, нашедшую выражение в переходе к созданию научно обоснованного земельного кадастра, государственной системы оценки земельной недвижимости и регистрации прав на землю, рационализации поземельного налогообложения; 3) переход к регулируемой приватизации земельной собственности российской короны, включая приватизацию крестьянами наделных земель.

² Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. 2-е изд. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1881; Ковалевский М. М. Прошлое и настоящее крестьянского земледелия // Вестник Европы. 1911. Кн. 5. С. 234–264; Тарановский Ф. В. Феодализм в России // Варшавские университетские известия. 1902. № 4. Отд. 3. С. 38–39.

³ Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII — начало XXI века. М., 2005; Сперанский М. М. План всеобщего государственного преобразования графа М. М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). СПб., 1905.

⁴ Шатковская Т. В. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии). Ростов н/Д, 2000.

⁵ ПСЗ 2. Т. 31. № 30693; Т. 32. № 32000, 32277; Т. 33. № 32674, 32910, 33326, 33724; Т. 34. № 35023, 35235; Т. 35. № 35611; Т. 36. № 34489а и др.

Анализ деятельности Мингосимущества в сфере управления земельным имуществом короны на рубеже 50–60-х гг. XIX в. позволяет усомниться в справедливости ее оценки как «реакционной попытки перевести управление государственными имениями на почву удельного частновладельческого хозяйствования и превратить [его] в политическую опору против ликвидации крепостных отношений».⁶ Руководители Мингосимущества (М. Н. Муравьев) и Министерства императорского двора и уделов (В. Ф. Адлерберг) не являлись противниками отмены крепостного права, как до сих пор принято считать в историографии крестьянской реформы. Они, как и Б. Н. Чичерин, выступали за ответственный, научно обоснованный выбор правовых средств глобальных социальных преобразований.⁷ Проектируемый ими путь к гражданской свободе сельского населения коронных земель был связан с рационализацией государственного управления в аграрной стране, постепенным формированием в патриархальной российской деревне новых социальных институтов, основанных на естественных правах и свободах человека, личной инициативе и предприимчивости. Важнейшим из таких средств стала индивидуализация землевладения и землепользования крестьян коронного сектора российского землевладения («свободных сельских обывателей»), начавшаяся под руководством М. Н. Муравьева в 1859 г.

М. Н. Муравьев являлся одним из самых авторитетных специалистов в управлении земельно-аграрной сферой российского общества и достаточно четко представлял себе смысловую конструкцию перехода к поземельным отношениям нового общегражданского типа в обоих секторах российской аграрной экономики, административно дистанцированных друг от друга при крепостном праве.⁸ Реструктуризация дореформенного устройства российского землевладения мыслилась им как осуществлявшийся исключительно на добровольной основе, эволюционный, но регулируемый государственной властью процесс «дисперсной» индивидуализации субъектов сельскохозяйственной деятельности посредством «крестьянской приватизации» земли и развития долгосрочной аренды в обоих секторах российского землевладения. Следствием этого процесса должно было стать утверждение в аграрном обществе поземельных имущественных прав и правовых институтов, индифферентных к сословному статусу собственника (пользователя) земли, т. е. общегражданских.⁹

Проекты 1858–1861 гг. предоставления крестьянам для покупки «безоброчных нормальных участков» в виде «отрубов», «застенок», «выселок», «хуторов» и проч., развития долгосрочной аренды крестьянами выделенных в натуре и оцененных участков коронных земель служили главной цели — «образованию среди наших крестьян самостоятельных фермеров»,¹⁰ а потому могут рассматриваться как непосредственные

⁶ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. М.; Л., 1958. С. 548–549.

⁷ Зорькин В. Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX — начала XX в. (Б. Н. Чичерин). М., 1975. С. 31–53; *История политических и правовых учений. XIX век* / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1993. С. 277–286; Поляков А. В. Либеральный консерватизм Б. Н. Чичерина // Правоведение. 1993. № 5. С. 79–87; Чичерин Б. Н. Общее государственное право. М., 2006. С. 266–267.

⁸ См. подробнее: Дунаева Н. В. Правовые взгляды М. Н. Муравьева на решение крестьянского вопроса в России // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X. Вып. 5–6 (44–45). С. 396–410.

⁹ Российский Государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1180. Т. 15. Д. 90. Л. 161, 164 об.–165, 325 об.–326 об. и др.

¹⁰ Об отводе государственным крестьянам отдельных хозяйственных участков на праве долговременного пользования // Журнал Мин-ва гос. имуществ. 1859. № 9. Отд. III. С. 5–6.

предшественники аграрного законодательства начала XX в., связанного с именем П. А. Столыпина.

Эти планы получили развитие только в «коронном» секторе российского землевладения (1859–1861 гг.), хотя Муравьев видел возможности их реализации и в частновладельческой деревне. В 1859 г. крестьянам Курляндской и Лифляндской губерний, переведенным на оброки, рассчитанные в ходе «регуляционных» и оценочных процедур, было предоставлено право приобретать свои земельные участки в собственность. Положением о выкупе удельными, дворцовыми и государственными крестьянами наделных земель от 12 мая 1860 г. это право было распространено на коронных крестьян Санкт-Петербургской, Симбирской и четырех западных губерний (Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской).¹¹ С 1861 по 1866 г. крестьянами восьми губерний было выкуплено 181 193 десятины земли на сумму 1 525 184 рубля, из которых 231 103 уже было внесено в казну к 1866 г. Параллельно с приватизацией наделов развивалась и долгосрочная аренда индивидуальных хозяйственных участков. В 1858–1865 гг. в степных и двух северных губерниях (Санкт-Петербургской и Вятской) крестьянам было отведено 158 хозяйственных участков площадью от 50 до 200 десятин каждый на сроки от 12 до 48 лет. Арендная плата за десятину по оценочной стоимости участков составила от 2,5 копейки до 1,2 рубля, что было в несколько раз ниже размеров выкупных платежей, рассчитанных по методикам Редакционных комиссий.¹²

Все приватизационные проекты Муравьева основывались на использовании как в коронной, так и в частновладельческой деревне кадастрово-оценочного механизма регулирования земельных отношений как наиболее оптимального, экономически обоснованного правового средства модернизации архаичных (условных) поземельных правоотношений без насильственного прикрепления крестьян к усадьбам, «потрясения государства и разрушения частных хозяйств».¹³

В 1859 г. Главный комитет по крестьянскому делу отложил рассмотрение предложений министра государственных имуществ и председателя департамента уделов до принятия законов о поземельном устройстве помещичьих крестьян, поставив решение вопроса об основах гражданских прав юридически свободной половины российского крестьянства в зависимость от проектируемой Редакционными комиссиями сословной модели правового статуса бывших помещичьих крестьян.¹⁴

Принятие законодательства 19 февраля 1861 г., отражавшего принципиально иную, «общинно-государственную» модель правового обеспечения модернизации аграрного общества, потребовало корректировки правовых основ регулирования земельно-правовых отношений в коронном секторе российского землевладения. Для руководителей государственных органов управления земельными имуществами российской короны это означало создание компромиссных законопроектов, позволявших, с одной стороны, сохранить в «коронной» деревне традиционные институты (сельскую общину,

¹¹ *История уделов за столетие их существования. 1797–1897: В 3 т.* СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1901–1902. Т. 2. С. 527; *Лященко П. И.* Очерки аграрной эволюции России. СПб.: Тип. ред. период. изданий Мин-ва финансов, 1913. Т. 2. Ч. 1: Крестьянское дело и землеустроительная политика. С. 187.

¹² *Обозрение деятельности Министерства государственных имуществ по заведованию государственными крестьянами и южными поселянами с 1838 по 1866 год // Сельское хозяйство и лесоводство. 1867, январь. Ч. XCIV (94), приложение. С. 45, 46.*

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 811. Оп. 1. Д. 133. Л. 36 об.

¹⁴ РГИА. Ф. 1180. Т. 15. Д. 17. Л. 171–173 об.; Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. Пг., 1915. С. 430–446.

сословное самоуправление, «общественную» собственность на землю), как и предусматривали законы 19 февраля, а с другой — продолжать регулируемый переход сельского населения к индивидуализации землевладения и землепользования.

Разработанные на основе «либерально-государственной» модели реформирования традиционных общественных отношений законопроекты о применении Положения 19 февраля 1861 г. о вышедших из крепостной зависимости крестьянах к государственным крестьянам (от 17 октября 1861 г.) и устройстве крестьян государевых, дворцовых и удельных имений применительно к началам Положения 19 февраля 1861 г. (от 27 октября 1861 г.)¹⁵ до сих пор не подвергались историко-правовому изучению. В отечественной литературе содержание этих альтернативных проектов осталось практически неизвестным. Весьма краткие ссылки на них содержали либо неполные, либо предвзятые, либо ошибочные оценки.¹⁶

Наиболее интересным для анализа представляется содержание второго законопроекта, как наиболее репрезентативного при сравнении с законодательством 19 февраля 1861 г. в силу особенностей дореформенного правового статуса удельных крестьян.¹⁷ Законопроект от 27 октября 1861 г. состоял из трех частей: о сельском устройстве и общем управлении, о поземельном устройстве крестьян, о приобретении ими в собственность земель, предоставленных в их пользование. Источниками для его разработки помимо Положений 19 февраля 1861 г. стали указы от 5 марта 1861 г., положение Главного комитета об устройстве сельского состояния от 30 июля 1861 г., действующие нормативно-правовые акты, в частности положение от 12 мая 1860 г. о выкупе удельными и государственными крестьянами надельных земель.

Определяющим положением для разработчика (департамента уделов) являлась идентификация типа удельной собственности как смешанного (государственного или коронного «в порядке своего управления» и помещичьего «в поземельном и хозяйственном отношениях»)¹⁸. Модернизация правового статуса крестьян, населяющих эти земли, должна была затронуть оба аспекта этого двойственного статуса — административный и поземельный. Поскольку удельные крестьяне как свободные сельские обыватели к осени 1861 г. уже обладали по закону максимально допустимой сословным правом мерой юридической свободы, следующий шаг в реформировании их правосубъектности был связан с возможностью их выхода за рамки традиционных для данного сословия «обязанных» отношений феодального типа и созданием нормативно-правовой базы трансформации экономически активных крестьян из условных обязанных землепользователей в индивидуализированных собственников (пользователей) земли. Авторы проекта объективно оценивали спектр правовых интересов «свободных сельских обывателей», понимая, что далеко не все они смогут и пожелают стать самостоятельными хозяевами. Применение кадастровых, межевых, оценочных процедур, введение

¹⁵ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 343; РГИА. Ф. 515. Оп. 76. Д. 449. Л. 24–42 об.; Российская Национальная Библиотека. Коллекция печатных материалов, подготовленных для рассмотрения в Государственном Совете в период подготовки крестьянской реформы. — Россия. Государственный Совет. Секретный и Главный Комитеты по крестьянскому делу. Главный Комитет об устройстве сельского состояния. Материалы [Конволюты]: В 31 т. Т. 14. Ал. 3, 4, 8–20.

¹⁶ См., напр.: История уделов за столетие их существования. Т. 2. С. 533; *Лященко П. И.* Очерки аграрной эволюции России. СПб., 1913. Т. 2. Ч. 1. С. 190–191, 303–304.

¹⁷ *Дунаева Н. В.* Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2006.

¹⁸ РГИА. Ф. 911. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

экономически обоснованных приемов налогового администрирования, совершенствование договорной практики, индивидуально-правового регулирования имущественных и обязательственных отношений в крестьянской среде они справедливо считали необходимыми как для крестьян-общинников, так и для будущих фермеров.

Проект предполагал на период подготовки условий для слияния крестьянского сословия «в одно управление» и «выравнивания» правового положения его многочисленных юридических групп «подчинить» крестьян удельного управления «тому же устройству и управлению», которое проектировалось для государственных крестьян.¹⁹ По сравнению с дореформенным объемом полномочий удельного ведомства в отношении крестьян, установленным Сводами законов и удельных постановлений ранее, административная власть министерства двора и уделов существенно сокращалась, но не упразднялась совершенно. Существенной корректировке подвергся статус мировых посредников, определенный законами 19 февраля, особенно в части регулирования поземельных отношений в коронной деревне, которое департамент уделов оставлял за собой. Проект перечислял разнообразные функции органов удельного управления в губерниях, которые планировалось передать общим губернским органам и мировым учреждениям по крестьянским делам.

Индивидуализация крестьянского землевладения проектировалась как добровольная мера, проект подтверждал неизбежность гарантий землепользования сельских обывателей (постоянство наделов, соответствие размера оброчной подати количеству и качеству земли, ее оптимальный по сравнению с нормальными оброками, определенными Положениями 19 февраля, размер). Департамент уделов сопротивлялся жесткой «подгонке» размеров наделной земли в удельных селениях под нормы, установленные местными положениями 19 февраля для бывших крепостных крестьян, считая, что это могло бы существенно ухудшить их землеобеспечение, понизить уровень доходов особенно в период перехода к новым формам землевладения и землепользования.

Примечательно, что разработчики сохраняли у коронных крестьян всю землю, находившуюся в их пользовании, выступая против отрезки крестьянских земель и введения их принудительного выкупа. Нормы, допускавшие отрезки крестьянской земли, были внесены в проект министерства двора только после соответствующего решения Главного комитета, утвержденного императором 30 июля 1861 г.,²⁰ тем не менее департамент уделов постарался минимизировать возможность отрезки, основываясь на документально зафиксированном табелями поземельного сбора размере надела, т. е. реальной земельной площади, за которую крестьянин платил поземельный оброк. При этом на практике не являлось существенным, какие земли — тягловые или запасные были внесены в табели, главное — они все состояли в пользовании крестьян, а отрезке подлежала только не зафиксированная в табелях поземельного сбора часть земли, которая не являлась базой для налогообложения. Логика разработчиков, которую не могли не понять и крестьяне, заключалась в том, что отрезалась та земля, за которую крестьянин платил не поземельный сбор, а арендную плату. Содержание проекта показывает, что разработчики попытались сохранить в переходный период ключевую роль государственных (коронных) органов в регулировании поземельных отношений при существенном ограничении влияния мировых учреждений на ход реформы.

¹⁹ Там же. Л. 12 об.

²⁰ Журналы Главного комитета об устройстве сельского состояния. Т. 1. Пг., 1918. С. 253–261; *История уделов за столетие их существования...* Т. 2. С. 530–531.

Центральное место в законопроекте от 27 октября 1861 г. занимала третья, «выкупная», часть. Сохранив в значительной степени нормативно-правовое содержание Положения о выкупе от 19 февраля 1861 г., разработчики смогли органично включить в него ряд новелл, позволявших развивать принципиально иную модель крестьянской приватизации наделных земель, номинально находившихся в собственности российской короны. Разработанная для помещичьих крестьян (но, как стало очевидным уже к концу 1861 г., и для всего российского крестьянства) уникальная финансовая схема «выкупа» поземельных повинностей в размерах, определенных в столице, за наделы, нормы которых также рассчитывались не на местах, противоречила принципам, на которых были основаны выкупные процедуры, применявшиеся департаментом уделов и Мингосимущества с 1859 г. (кадастр, оценка, индивидуальный землеотвод, ипотека, регистрация права частной собственности и т. п.).

Выкупной проект для удельных крестьян содержал 3 раздела, 11 глав, 98 статей и приложение.²¹ Его статьи содержали ссылки на Общее Положение о выкупе, Местное положение для губерний Великороссийских, Новороссийских и Белорусских от 19 февраля 1861 г., Указ от 5 марта 1861 г., высочайше утвержденные положения Главного комитета об устройстве сельского состояния, а также (в трех случаях) на «соблюдающийся порядок». Шесть статей проекта непосредственно развивали нормы Положений 19 февраля применительно к начавшейся в коронном секторе перестройке поземельных отношений. Это свидетельствует о том, что авторы проекта стремились как можно ближе соотнести нормы законодательства для бывших помещичьих крестьян с особенностями правового положения удельных и дворцовых крестьян, но отказывались буквально следовать содержанию законов 19 февраля, искали компромиссные решения.

Разработчики проекта подчеркивали, что их модель выкупа полевых угодий «подчиняется меньшим ограничениям против Положений 19 февраля 1861 г.».²² Проект существенно расширял правовые возможности крестьян выбрать удобный для себя правовой режим землевладения (отдельными домохозяйствами, в составе общины или ее части, индивидуально или составляя товарищества), заключая договор о приобретении права собственности на земли, которыми они постоянно пользовались. Крестьянам гарантировались индивидуальный порядок проведения кадастровых работ, расчет стоимости конкретного земельного участка, а главное, отсутствие принуждения к заключению выкупных сделок всей общиной. Проект уделял особое внимание профессиональному проведению таких важных технических процедур, как межевание, оценка, съемка на план, регистрация прав собственности на землю, а также нормированию выкупаемых крестьянами земельных участков (паев). Для крестьян коронного сектора землевладения, которым гарантировалось сохранение их землепользования в полном объеме, на первом этапе приватизации было важнее установить минимальные нормы земельных участков для выкупа с целью не допустить их последующего дробления, спекулятивного использования или нарушения прав других землепользователей в сельском обществе. Проект формировал рациональные основы индивидуального (семейного, договорно-группового) крестьянского землевладения, принудительно не разрушая общинного землевладения, обеспечивая его естественную эволюцию в новые, более современные формы. Не случайно критики проекта сразу же оценили его опасность для тотального

²¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 76. Д. 449. Л. 24–42 об.

²² Там же. Ф. 911. Оп. 1. Д. 11. Л. 14 об.

внедрения в России «общинно-государственной» модели реформы, признав, что «на таких условиях на выкуп земель могут решиться только немногие зажиточные хозяева, которые пожелают выделиться из общинного владения».²³

Финансовый механизм приватизации, предложенный разработчиками рассматриваемых проектов (М. Н. Муравьев, П. А. Валуев и др.), до сих пор также не получил объективной оценки. Критикуя модель проведения выкупной операции в помещичьей деревне, разработанную Редакционными комиссиями, Муравьев справедливо считал, что капитализация стоимости земельного участка из 6 % более обременительна для крестьян (долг казне при этом будет выплачен за 37 лет, а переплата за 12 лет составит 72 % выкупной стоимости), и затянувшаяся выплата процентов затруднит процесс мобилизации земельной собственности и образования новых рыночных институтов в аграрном обществе. Он предлагал распространить на всю коронную деревню порядок расчета выкупной суммы, принятый в Мингосимуществе и департаменте уделов, согласно которому оброк полностью капитализировался за 20 лет при условии выплат по 5 % с выкупной ссуды и его размер исчислялся по доходности конкретного земельного участка, а потому был реальным и, как правило, существенно ниже размеров, установленных Положениями 19 февраля для многих полос и местностей. Рассрочка платежа допускалась не более чем на 20 лет, но с первым обязательным взносом не менее 20 % выкупной суммы.²⁴ Более низкий процент капитализации земли минимизировал переплату крестьянами процентов по ипотечным платежам. Расчет при этом был сделан на тех крестьян, которые реально тяготились членством в поземельной передельной общине и сознательно стремились к индивидуальному предпринимательству. Отказ от принуждения крестьян к выкупу и являлся главным отличием выкупного проекта Муравьева.

Приобретение крестьянами земли в собственность по проекту Муравьева не разрушало территориальную основу сельского сообщества, а способствовало обретению им нового качественного состояния в составе бессословной административно-территориальной единицы — «поземельного» округа (всесословной волости). Как в Положениях 19 февраля 1861 г. сословная организация крестьян была неразрывно связана с механизмом формирования общественной собственности на землю, так в законопроекте Муравьева его «выкупной план» был органично связан с бессословной административной моделью местного самоуправления.

В отличие от законодательства 19 февраля 1861 г., закреплявшего на многие десятилетия сословную и правовую изоляцию крестьян, рассмотренный законопроект, как и иные, объединенные общей методологией преобразований проекты М. Н. Муравьева, открывал российскому обществу более ясный путь к бессословному гражданскому равенству, общему правовому статусу личности, соответствующей общеевропейскому опыту эволюционной «эмансипации» и модернизации институтов традиционного аграрного общества.

²³ Там же. Ф. 515. Оп. 76. Д. 448. Л. 24–27.

²⁴ Там же. Ф. 722. Оп. 1. Д. 343. Л. 14 об.–15.